Городские лисы

3. Клеймо

18+

марина орлова

Марина Орлова

ГОРОДСКИЕ ЛИСЫ. 3. Клеймо

Серия «Любовь под запретом», книга 5

https://litres.ru/74645163
SelfPub; 2026

Аннотация

Лета осталась в одиночестве, но она готова драться за свою любовь. По поддельным документам она отправляется в Мален.

В богатом Малене даже воздух пахнет деньгами, а деньги открывают новые возможности. Лете нужны они все — чтобы спасти своего парня.

*** ТРЕТЬЯ КНИГА СЕРИИ ***

* Ромео и Джульетта из враждующих банд
* эстетика панелек и дворов 90-х
* девушка с рабочей окраины попадает в циничную столицу
* опасные интриги
* борьба за любовь

Содержание

1. Наркоз 4
зазор / человек 8
2. Клеймо 12
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Марина Орлова
ГОРОДСКИЕ ЛИСЫ. 3. Клеймо

1. Наркоз

Из темноты Лета выплыла в смутную реальность.

Взгляд никак не мог сфокусироваться. Было ясно только, что она лежит на спине, а вокруг серый свет — как будто пасмурный день.

Тело не чувствовалось. Затем пришло единственное ощущение: что-то распирает горло изнутри. Лета попыталась это сглотнуть. Не получилось. Мышцы судорожно дёрнулись ещё раз, стараясь избавиться от твёрдого предмета в горле, но он даже не шелохнулся.

— Тише, тише, дочка. — Над ней склонился мутно-тёмный образ с маминым голосом. — Это трубка, чтобы дышать.

Но ей не нравится! Она же и так дышит! Лета упорно глотнула ещё раз. Не помогло.

— Алетейя? — Ещё одна тёмная тень приблизилась с другой стороны кровати. Папин голос запинался, замирал, даже дрожал. Лета никогда раньше не слышала его таким. — Как

ты себя чувствуешь?

Странные, непривычные слова, да и тон у отца странный — подчёркнуто мягкий, сочувствующий. Как будто притворяется. Конечно, ему раньше не приходилось говорить подобных вещей, вот и звучит как будто папа играет роль.

Мама тихо прокомментировала:

— Она не может ответить.

Папа сказал:

— А. Да. Ну… моргни хотя бы.

— Владимир! — укоризненно прошипела мама. — Ты её пугаешь.

Лета не то чтобы испугалась — сил на эмоции не хватало, — но насторожилась. Попыталась собрать в кучу расползающееся сознание. Прислушалась к своим ощущениям. Их было мало, и они были приглушённые, словно через одеяло. Твёрдая трубка-распорка в гортани. И ещё ощущение, что лицо пылает. Кожа горячая, как при гриппе с высоченной температурой, и вроде бы даже в испарине.

Лета решила пошевелить рукой, но ничего не произошло. Рука словно где-то потерялась. Её не существовало. Картинка перед глазами по-прежнему была смутной, лицо горело, но ниже этого никаких ощущений не было. ***Вообще***. Как будто у неё есть только голова. Лета задышала быстрее, испуганно. Что, если она парализована?! Собрав все силы, дёрнула головой — словно надеялась хотя бы так избавиться от распорки в горле. Дёрнуться получилось, хоть и совсем чуть-

чуть. Отлично!

— Доченька, не волнуйся, — мягко заговорил мамин голос, рука погладила Лету по лбу. — Всё уже позади…

— Этот выродок устроил тебе передоз! — громко и резко вступил отец уже своим привычным тоном. Надолго его попыток выразить сопереживание не хватило. — Чуть не убил! Как только у тебя хватило мозгов связаться с этой дрянью!

В сознании Леты вдруг всплыли последние воспоминания: вертолёт, Доктор, порошок… И Джанки без сознания, бьющийся в судорогах.

Отчаянно замычав, Лета снова дёрнулась. На этот раз получилось шевельнуть рукой, но почему она такая тяжёлая и непослушная, что происходит?! Девушка скосила глаза вниз, пытаясь увидеть своё тело.

— Тише, тише! — беспокойно повысила голос мама. Прошипела отцу: — Хватит кричать! — И громче, с показательным оптимизмом: — Всё хорошо… Всё в порядке… Ты жива, Доктор тебя нашёл, спас, всё позади. Потом скажешь ему спасибо, а пока отдыхай, нужно восстанавливаться. Скоро придёт врач, посмотрит.

Но Лета не желала «отдыхать», она хотела вернуть руки в своё полное распоряжение, наконец-то вытащить из горла трубку и спросить, что с Джанки. Поэтому она снова взвыла — на этот раз со злостью — и дёрнула рукой сильнее.

Но в следующую секунду почувствовала, что руку сжали, удерживая.

— Позови врача. — Тон мамы стал холодный, резкий. — Скажи, что опять приступ.

Никакой у неё не приступ! Неужели так трудно поговорить с ней нормально, ответить на вопросы по-человечески! Лета продолжила мычать и брыкаться — с каждым разом получалось всё лучше, контроль над телом постепенно возвращался, — но затем в отдалении хлопнула дверь, к ней подбежала очередная мутная фигура, на этот раз в белом, и незнакомый женский голос спросил с недовольством, почему не позвали раньше.

Контроль над телом начал слабеть… Мутный светлый день потемнел... И Лета снова пошла на дно — в черноту без сознания.

зазор / человек

День был прекрасный. Лучший за последний месяц. Мужчина откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, чувствуя, как лицо греют солнечные лучи из окна рядом. Наконец-то лето стало таким, как должно быть, — беззаботным временем, когда жизнь прекрасна, а беспокоиться можно лишь о мелочах вроде не вовремя опустевшей пачки сигарет. Всё остальное было под контролем. Всё вокруг было правильно.

И это сделал он. Решил все проблемы. Всё разрулил. Все ему благодарны. Камень с уважением пожал руку. Юрист, батя этой мелкой паразитки, смотрит снизу вверх с таким приятным подобострастием. Жена его и вовсе не смотрит, глаза к полу. Правильно, женщина должна знать своё место, держаться почтительно, лишний раз голос не подавать. Всё верно.

А теперь и сама паразитка научится. Мужчина открыл глаза, поднял голову со спинки кресла. Оглядел бежевую палату, залитую тёплым вечерним светом, задержался на корзине фруктов, завёрнутой в целлофан с розовыми горошинками. Конечно, по-хорошему эта пронырливая гнида не заслужила таких благ, но Камень велел выдать ей порцию «пряников», да и родителям чего-нибудь подкинуть, чтоб всем рассказали о его милости.

Взгляд мужчины перебрался на больничную койку.

Скользнул по складкам белой простыни и нашёл там голую ступню. Медленно пополз вверх, прощупывая контуры тела под тканью. Боги, у неё ножки-ручки — тонкие, как куриные лапки. Наконец взгляд добрался до верхнего края простыни — там виднелось лицо с тихо шипящим намордником кислородной маски и разметавшиеся по подушке зелёные волосы. Черты такие мягкие… Мирные… А если бы сейчас аккуратно вытащить трубку с кислородом и это милое личико накрыть чем-нибудь — мужчина оглядел палату и, обнаружив на дальней пустой койке подушку без наволочки, кивнул сам себе, вернулся взглядом к лицу спящей девушки, — так вот, положить сверху подушку и подержать совсем недолго, то личико останется столь же милым навсегда. Спокойным, с закрытыми глазами, без этого её наглого взгляда и дерзкого тона. Мелкая гадина! Кулаки мужчины сжались на подлокотниках кресла.

Все живут нормально, по правилам, вся система крутится-вертится — потому что ***он*** её продумал и устроил наилучшим образом. ***Он*** работает на поддержание системы, не покладая рук! С заботой обо всех, между прочим! Но нет, всегда есть мелкие паразиты, которым нравится рушить чужие дела — просто так, назло. Сами живут и кормятся на теле этой системы, и сами же её портят. Как крысы — прячутся по норам, воруют втихаря, гадят всюду, грызут провода тут и там. Так ещё и возмущаются, когда их прижимают к ногтю! А что, хвалить, что ли, за такое?!

Но эту парочку паразитов он прижал. Мужчина довольно улыбнулся. Идея пойти к родителям девчонки была гениальна. Просто брильянт, с какой стороны ни посмотри. Сначала у него на руках был туз с горюющими родителями — потому что их любимую доченьку утопил отморозок Лешего. Разыграть карту собирались на сходке, но тут вдруг выяснилось, что девчонка-то жива — и не просто так, а с целым ворохом наглейших претензий. Кто другой растерялся бы от такого поворота. Но он-то не зря уже десять лет в мичманах, умеет держать нос по ветру и соображать на ходу. Он сразу понял, что чудом воскресшая девчонка скоро позвонит родителям. Именно туда он и рванул.

Конечно, поначалу родители были ошалевшие и соображали плохо, только лыбились, словно полоумные, рыдали и обнимались, но он быстренько провёл им разъяснительную работу. Что запись убийства была подстроена Лешим, а теперь Леший их кровинушку где-то втихаря держит и принуждает свидетельствовать против родимой шоблы. Что этот её стоящий на милицейском учёте милуш — про которого родители оказались вообще не в курсе — прямо сейчас спаивает их доченьку розовым, промывая ей мозги и внушая вражду к Камню, а ещё, ***очень вероятно***, бьёт и насилует, он же отморозок химический, просто псих, спроси любого. А вообще, может, он там даже и не один, а с друзьями... И, наконец, дав родителям минуту — вообразить наглядно всё описанное, — добавил финальный гвоздь: с хрупкой девуш-

кой, отданной в полное распоряжение уродов из чужой шоблы, может случиться что угодно. Именно так веско и сказал: «***Что. Угодно***». Всё по фактам, между прочим!

И вуаля: плачущие родители сами уговаривают его разыскать доченьку, бегут к Камню с мольбой о помощи и максимально сотрудничают в отслеживании звонка этой изворотливой гадюки. А отследить оказалось не так-то просто! Хорошо, что он, наученный богатым житейским опытом, сразу запросил не базовое милицейское оборудование — ветхое старьё, которое обойти как два пальца, — а уровнем повыше, плюс спеца в придачу. Камень, конечно, посомневался, но после тактичного ***напоминания*** о том, какой урон его репутации хочет нанести мелкая паразитка, согласился. И вот уже готовы все ресурсы для спасения бедной-несчастной соплюхи, и вот она спасена, доставлена в больницу, и все смотрят на него как на героя… Мужчина вдохнул полной грудью. Ах, до чего же приятное чувство!

Улыбаясь, он поднялся с кресла. Остался последний маленький штрих. Точка, которую нужно поставить в этой истории. Мужчина подошёл к койке. Опершись ладонями на матрас, навис над спящей девушкой. Оглядел. Поморщился при виде зелёной пряди волос, криво лежащей поперёк лба. Убрал. Всё приходится делать самому, они даже в мелочах не справляются!

Но ничего. Он здесь. И он всё сделает правильно.

2. Клеймо

Когда Лета пришла в себя в следующий раз, её состояние было гораздо хуже. Да, на этот раз она чувствовала своё тело, с этим был порядок, но вместе с телом она теперь чувствовала и боль. Болели все мышцы, абсолютно все, даже мельчайшие — так, будто они были сорваны после сильнейшего напряжения. Ужасно хотелось пить. Голову сжимало до предела — казалось, что вот-вот лопнет или череп, или как минимум глаза.

Лета еле-еле собрала силы и прохрипела:

— Больно…— Сама не узнала свой голос, он стал ниже, но на последнем звуке, наоборот, сорвался в писк. Словно ломается.

К ней сразу подошла мама. Теперь её было видно чётко, как обычно, вот только Лете было не до того — хотелось лишь, чтобы исчезла боль.

Мама ушла за медсестрой. Лета лежала одна в тишине палаты, ждала и ждала, но никто не приходил. От боли потекли слёзы. Она, конечно, слышала, что розовый — жестокая штука, но не думала, что это ***настолько ужасно***. Говорят, даже если в жидкости будет слишком большая концентрация — лишняя пара щепоток, — то все мышцы человека напрягаются до предела и деревенеют в таком состоянии. Отходить после этого очень больно. А тут — порошок, чисто токсич-

ное вещество. Повезло, что он был вроде бы разбавленный, во всяком случае, Лета слышала, что чистый розовый должен быть цвета фуксии, а порошок Доктора был бледно-розовый. Впрочем, ей и этого хватило.

Наконец-то в палату пришли. К этому моменту слёзы текли вовсю, Лета шмыгала носом и тихо всхлипывала. Мама спросила: может, стоит вернуть наркоз. Медсестра ответила, что больше уже нельзя, придётся обходиться более слабыми медикаментами. После этой фразы Лета потеряла интерес к разговору и лишь ждала, когда подействует то, что медсестра добавила в капельницу, — надеясь, что это обезболивающее, а не просто витамины.

Наконец боль отступила, тело всё больше стало наполняться тёплой лёгкостью, и Лета от облегчения сразу же заснула.

***

Приходила в себя ещё несколько раз, но ненадолго. Только успевала обвести комнату мутным взглядом и равнодушно отметить, что мышцы всё ещё болят, хоть и слабее, — и снова засыпала.

***

А потом наконец-то всё прошло. Лета просто проснулась — как всегда просыпалась по утрам, свежей и отдохнувшей. Боли не было. И настроение было хорошее.

Лета заинтересованно огляделась. Палата была просторная, но вторая койка у левой стены пустовала. Её койка сто-

яла посередине, и с неё открывался вид на маленький тёмный коридорчик напротив: дверь наружу и ещё одна сбоку — наверное, туалет. Справа от Леты стояла прикроватная тумбочка с большой подарочной корзиной, полной фруктов, а также капельница и серая «тумбочка» с экраном и кнопками — какой-то медицинский прибор.

Всю правую стену занимало широкое окно, прикрытое вертикальными жалюзи, в дальнем углу стояло мягкое бежевое кресло. За окном было пасмурно, по стеклу моросил дождик, воздух в палате был прохладный — в общем, день обычный, не особенно радостный с виду, однако Лете он показался замечательным. Как же хорошо, когда долго терпишь боль, а потом она отпускает! Жизнь сразу кажется чудом чудесным. Даже голод прорезался.

Лета вдруг заметила, что и трубок капельницы на ней больше нет. Покрутила правой рукой — со следами прежних уколов, но теперь уже лёгкой и свободной. От счастья хотелось улыбаться.

А потом расхотелось — когда она посмотрела на левую руку.

У неё что, мутится в глазах?! Лета рывком поднесла руку к лицу. Впилась взглядом в тыльную сторону запястья, чуть выше косточки. Там чернел контур квадрата. Что за хрень?! Лета потёрла чёрную линию пальцем, потом уголком простыни, даже поскребла ногтем. Но рисунок не стирался. Это что, такая шутка?! Значит, когда ей хотелось в шоблу, Док-

тор морду кривил — мол, «не заслужила», — а теперь, когда ей абсолютно не нужен флаг Камня — нате, влепили?! Вот спасибо! Мудаки…

Откинув простыню, Лета перекатилась на левый бок. Боялась, что снова станет больно, но нет, последствия розового отпустили окончательно. Девушка села, коснулась ступнями холодного линолеума и поморщилась. Поднялась, на всякий случай крепко держась за изголовье койки. Одёрнула подол больничной пижамы-ночнушки — своей единственной одежды. Движения были размашистые с непривычки — долго пролежала без движения, — но хотя бы ничего не болело.

Лета осторожно пошагала в тёмный закуток напротив, к двери туалета. Дошла. В туалете автоматически зажегся сочно-жёлтый свет, пахло дезинфекцией. Девушка включила воду, густо намылила татуировку жидким мылом и подержала под струёй. Было ясно, что это не поможет, но сдаваться не хотелось, так что Лета открутила крышку с флакона и вылила на чёрный квадрат сразу половину мыла: перламутро-розовая жижа потекла по коже, капая на белый фаянс раковины. Хорошее настроение уже растаяло без следа. Перед глазами всплывали воспоминания — словно чёртов знак Камня, нагло оккупировавший руку, вернул Лету в жестокую реальность. Ту реальность, где эта сволочь Доктор притащил в её убежище толпу вооружённых людей, они бегали там, топоча грязными ботинками и тыча винтовками, взорвали всё

— её домик, и шоколадные конфеты, и зелёные блёстки, и красивое чёрное бельё... Всё сожгли… А потом убили Джанки.

Выбросили его в воду. Зачем Доктору обвинения, что он напал на человека из чужой шоблы? С ней-то можно делать что угодно, а вот напасть на Джанки — это совершенно другое. Это уже политика. И Доктору такое не нужно. Значит, просто убили его, чтобы замести следы.

А даже если и нет — ясно, что Доктор не стал бы передавать Джанки любезно в руки Лешему. Бросили его где-нибудь на окраине. А пережить последствия розового не так просто. Это она тут в больнице — с родителями, с медперсоналом, с наркозом — а как без наркоза пережить такой уровень боли? Сердце остановится и всё. И никто не поможет.

Плача, Лета скребла ногтями чёртов квадрат — с такой злостью, словно, если она сдерёт татуировку с кожи, это отменит власть Камня над ней. И все поступки Камня, и все его приказы, и все угрозы. И самого Камня тоже отменит, заставит его исчезнуть из этого мира. Как было бы хорошо…

Но Лета ничего не могла поделать даже с какой-то несчастной татуировкой, не то что со всемогущим Камнем. Она уже плакала взахлёб, с ненавистью глядя на рисунок на своей руке: этот квадрат словно бы и её делал предательницей, вставшей на сторону убийц Джанки, даже если против воли.

Лета постаралась вспомнить, удержать в памяти хоть что-

то о нём — как они целовались, как ей было хорошо, и вкус шоколадных конфет на его губах… Но сейчас, вместо шоколадного вкуса, она чувствовала лишь противный запах дезинфекции и горечь в горле — от понимания, что эти воспоминания в конце концов исчезнут. Это сейчас она ещё помнит хотя бы его запах, и ощущения от его рук — словно ещё чувствует прикосновения, хоть и призрачные, — и мягкое касание губ, через секунду переходящее в жадный напор… А скоро всё забудется и воспоминания растают, как бы она за них ни цеплялась…

От слез нос совсем забило, дышала Лета через раз, захлёбываясь рыданиями, и, наверное от этого, накатило головокружение. Ещё не хватало упасть на туалетный кафель, посреди вони дезинфекции! Пришлось быстро смыть остатки мыла, высморкаться, обтереть заплаканное лицо и вернуться в палату.

Слабея всё больше, Лета поспешила к кровати. С облегчением бухнулась на край: спасена! Начала неловко поднимать ноги, койка была слишком высокая. Девушка так и застряла посреди этого занятия — с левой ногой на полу, а правой уже на койке, — когда за дверью палаты раздались шаги. А она тут в раскоряку без трусов! Вздрогнув от испуга, Лета мигом закинула обе ноги на койку и дёрнула на себя простыню. Прикрывшись, подняла взгляд на дверь.

И замерла в шоке.

Бесцеремонно захлопнув за собой дверь, в палату совер-

шенно спокойно прошёл Доктор.

Лета испуганно огляделась — словно надеясь, что здесь чудом материализуется хоть кто-нибудь, кто спасёт её от пребывания наедине с мичманом. Но в палате никого не было. Только они. Лета натянула простыню выше, до подмышек. От ощущения, что на ней лишь больничная ночнушка — и никакого белья — было не по себе.

Мужчина прошёл к окну и опустился в кресло, по своей излюбленной манере откинувшись на спинку и широко расставив ноги. Оглядел Лету со снисхождением. Тоже мне, хозяин жизни! Наглый, как у себя дома! Он что, уже приходил сюда, пока она была без сознания? Похоже, что он здесь далеко не в первый раз, уже и кресло облюбовал.

— Оценила? — Доктор указал подбородком на корзину фруктов. — Сам выбирал.

Лета посмотрела на фрукты, на прозрачный целлофан в розовый горошек и залипла взглядом на одном кругляшке. ***Розовом***. Это что, специально такое издевательство с намёком? Хотя нет, вряд ли. Для Доктора слишком сложно. Скорее всего, он даже не заметил иронии.

Лета перевела взгляд на мужчину. Подняла левую руку над кроватью и ровно сказала:

— Что это за хрень?

Голос у неё до сих пор был хриплый из-за розового, это тоже напомнило о Джанки, но Лета сдержалась, чтобы не дрогнуть. Сейчас не время. Вот этот урод уйдёт, тогда она попла-

чет.

— А. Милость от предстоятеля. Ты принята, ура! — Доктор изобразил радостный тон, но тут же вернулся к обычному: — Теперь, конечно, ты должна выполнять шлыгу, платить взносы, и ещё лично у меня есть список дел — как выйдешь отсюда, — так что не расслабляйся.

Лета смотрела на мичмана. Тот смотрел на неё. Послать его матом, устроить скандал? Но после слёз она чувствовала себя такой одуревшей и равнодушной, что было лень.

В конце концов сказала просто:

— Я не буду ничего делать.

— Конечно, будешь.

— Конечно, нет. Как только я отсюда выйду, всем скажу, что вы мне его насильно поставили.

— Не скажешь. — Доктор всё так же расслабленно сидел в кресле и смотрел на неё прямым уверенным взглядом.

Лете даже стало интересно, почему он так уверен. Чем, ну вот чем он планирует её заставить? Или думает, что она будет целовать ему ноги чисто из-за статуса мичмана? С него бы сталась подобная самоуверенность.

Но препираться было лень. Лучше она поступками покажет и ему, и Камню, что они могут идти далеко и надолго и там сосать петушки на палочке. А пока что Лета отвела взгляд, показывая, что Доктор её больше не интересует, уставилась на дверь напротив и приготовилась ждать, пока он уйдёт.

Однако Доктор продолжал сидеть в кресле. И, судя по спокойному тону, ни капли не расстроился от её пренебрежения:

— Ты будешь делать всё, что я скажу. А как только предстоятель позовёт — побежишь, роняя тапки, будешь ему руки целовать и благодарить за милость. Потому что если нет — твоему ***милушу*** будут каждый день морду фарцевать почёрному. И тебе фотки кидать. Для убедительности.

Лета, не веря своим ушам, посмотрела на Доктора, который сиял улыбкой — широкой и крайне довольной собой. Поверить было страшно. Может, он врёт?

— Ага, — кивнул мичман. — Видишь, уже начинаешь соображать, какую милость тебе оказали.

— Ты хочешь сказать, — Лета старалась звучать спокойно и не показывать эмоций, — что Джанки жив? — Не запнуться на его имени перед этим уродом было трудно, но она справилась.

— Пф, само собой! Чё ему сделается.

— И где он? — всё же прозвучало с нетерпением. Против воли — ведь Доктор может и врать — в груди Леты затрепыхалась радость.

— Ясно где. В тюрячке. За тебя, между прочим. — Видя, что Лета молчит, Доктор сам начал объяснять — видимо, это была его идея, которой он гордился: — Похищение, — он начал загибать пальцы, — удержание, изнасилование, склонение к потреблению запрещённых веществ, плюс отяг-

чающее за применение силы и доведение до передоза, далее хранение взрывчатых веществ, сам взрыв… Двадцаточка для начала. Это если ***о-о-очень*** повезёт с хорошим платным адвокатом, и если он будет сотрудничать со следствием, выдав всех своих подельников среди Лешевских. А если будет упираться и плохо себя вести — а я почему-то думаю, что он будет, — так и ещё накинут. До пожизненного.

— Но всё это неправда, — только и смогла выговорить изумлённая Лета.

— Конечно, правда. Полным-полно свидетелей, я первый. Нашли бедную девочку прикованной к кровати: голая, вся в конче, нос в порошке, бр-р! — Доктор брезгливо передёрнулся. — Пена изо рта, судороги... Ужасное зрелище, до сих пор перед глазами стоит. Повезло, что успели доставить в эту прекрасную больничку, — он обвёл ладонями палату. — Здесь наш святой предстоятель всё оплатил, тебя откачали, отмыли, будешь жить долго и счастливо. И, конечно, подальше от этого Лешевского психа. Забудешь его, как страшный сон.

Лета только пялилась на Доктора, не веря своим ушам. Как он может говорить про неё все эти гадости — с такой абсолютной уверенностью? В какую-то секунду она даже усомнилась в собственных воспоминаниях: может, Доктор говорит правду, а она помнит всё неправильно?! Но тут же отмахнулась от этого бреда.

Растерялась, что говорить и что делать. Как, вообще, мож-

но реагировать, когда человек в лицо тебе врёт так нагло, выворачивая события наизнанку?!

А потом поняла.

Сказала как можно увереннее, с оттенком пренебрежения:

— Я тебе не верю. Может, ты его всё-тки убил, а мне будешь мозги полоскать.

— А у меня фотка есть, — Доктор потянулся к электронному браслету.

— Нафига мне твоя фотка! Ты скажи, в какой тюрьме, где, конкретно. Я проверю, числится он там или нет.

— Ха. С какой это стати?

В груди Леты шевельнулся страх. Что, придётся умолять? Выпрашивать? Так в этом случае он точно не скажет. Только поржёт над ней и будет выдвигать одно требование за другим: «Мол, сделай то и это, тогда подумаю, может, и скажу», — а сам всё равно не скажет.

Но она не показала вида. Благо, в её состоянии было очень просто изобразить отупелое равнодушие — никакой злости, агрессии, презрительных усмешек, — которое сойдёт за смирение.

— Неужто ты, мичман у самого Камня, боишься какой-то меня? А то так выглядит, будто я, сидя тут в палате, представляю для тебя угрозу.

Доктор задумался, уставившись на неё. Лета ждала — без движения, просто сидела и равнодушно смотрела в ответ.

— Так и быть, — наконец сказал мичман. — Раз теперь нас ждёт долгое и плодотворное сотрудничество, окажу тебе жест доброй воли.

Он включил браслет, что-то там полистал, затем поднялся с кресла, подошёл к койке Леты, развернул большой виртуальный экран и сунул его девушке под нос. Лета вцепилась пальцами в его руку, а взглядом — в личное дело. На фото действительно был Джанки: лицо осунувшееся, с запавшими глазами, разбитыми губами и ярким синяком на подбородке, взгляд одурело равнодушный к происходящему — очевидно, из-за боли после розового. В графе «ФИО» значилось «Данил Марек», дата рождения — двадцать первое октября, на полтора месяца младше неё, всё сходится. Значит, всё это не подделка и не блеф. Тогда следующий шаг — понять, где он. Лета зашарила взглядом по странице. Так, тюрьма местная, уже хорошо. Девушка едва успела дважды перечитать номер личного дела — последовательность заглавных букв и цифр без видимой логики, — как Доктор вырвал у неё свою руку. Оставалось лишь надеяться, что запомнила верно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.